

ПРОБА ПЕРА

СОЦИОЛОГИЯ В XXI: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Антонюк А.М.,
г. Санкт-Петербург

ВИРТУАЛЬНАЯ ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА

Многие работы, объектом которых выступает Интернет, посвящены оценке его демократического потенциала. При таком анализе в качестве исследовательской рамки зачастую выступает концепция публичной сферы.

Публичная сфера – это пространство для обсуждения общезначимых проблем, свободное от политического и экономического принуждения. Впервые концепция была предложена Х. Арендт, а затем развита Ю. Хабермасом. В своей работе «Структурная трансформация публичной сферы» Хабермас находит истоки этого явления в европейских странах в 18-19 веках в кафе, клубах и салонах. Публичная сфера отражала ценности Просвещения и была свободна от влияния церкви, государства и рынка. Каждый мог участвовать в обсуждениях и аргументированно отстаивать свою точку зрения. Этот процесс, как считает Хабермас, стал важной составляющей развития демократических институтов.

Несмотря на то, что эта модель подвергается критике как за несоответствие историческим реалиям, так и за переоценку влияния на становление демократии, она может использоваться как идеальный тип при

исследовании коммуникаций в современных обществах. Концепция публичной сферы получила развитие в работах таких ученых, как К. Калхун, С. Бенхабиб, Н. Фрэнгер, Дж. Бонэм, Н. Кроссли и многих других. В настоящее время тематика публикаций концентрируется на практическом применении концепции к виртуальной сфере, а также в связи с региональным и международным развитием.

Использование сетевых средств коммуникации изменило характеристики общения среди индивидов и групп. Природа произошедших изменений не ограничивается переходом к новой технологии. Появление новых коммуникационных технологий каждый раз порождало споры об их влиянии на общество и демократические институты, а также о необходимости установления новых правил для их регуляции [8, с.295]. Но в данном случае произошла смена организационных принципов. Односторонняя коммуникация сверху вниз, характерная для масс-медиа, уступила место децентрализованным, открытым, динамичным отношениям. Структурные изменения публичной коммуникации в научной литературе концептуализируются как переход от публичной сферы масс-медиа к сетевой публичной сфере.

Концепция Хабермаса

Развивая критическую традицию Франкфуртской школы, Хабермас разрабатывает критику методов доминирования в современном обществе. В своих работах Хабермас через критику современности обращается к наследию эпохи Просвещения, отстаивая идеалы прогресса и свободы. В этом ему противостоят представители постструктурализма и постмодернизма, считающие, что проект модерна провалился, не оправдав ожиданий [10].

Хабермас отстаивает свое понимание традиции Просвещения и считает, что модернистский проект может быть спасен. Задаче его укрепления служит особая теория коммуникации. Отстраняясь от

распространенной веры в необходимость главенства разума, Хабермас обосновывает необходимость всеобщего принятия положений его дискурсивной этики [10]. Он выводит категорический императив Канта за пределы монологической рефлексии, требуя принятия во внимание точек зрения всех людей, затрагиваемых принятием какой-либо нормы. Переход к диалогической форме практического разума необходим в условиях общества постмодерна, в котором все увеличивающееся множество благ сужает возможности для дискуссии о моральных нормах [5].

Дискурс, в трактовке Хабермаса, представляет собой аргументативный способ достижения согласия. Причем дело состоит не просто в использовании аргументов, а в том «ненасильственном принуждении лучшего аргумента», которое определяется формальными свойствами дискурса и служит критерием рационального согласия [1, с.57].

Коммуникативная рациональность несет смыслы, основанные на опыте свободной от принуждения, объединяющей и согласующей силы аргументативной речи, в которой разные участники преодолевают субъективные взгляды и, учитывая общность рациональных убеждений, принимают единство объективного мира и интерсубъективность их жизненного мира [7, с.44].

Условиями достижения рациональности является соблюдение принципов этики дискурса:

Универсальность: «Все, кого затронет предлагаемая моральная норма, принимают последствия ее влияния на удовлетворение интересов участников (и эти последствия предпочтительны по отношению к имеющимся альтернативам)». Этот принцип преследует цель создать условия для беспристрастного обсуждения и баланса интересов.

Участие. «Нормы могут быть валидными только когда с ними согласны все затрагиваемые участники практического дискурса».

Свобода от принуждения. Консенсус может быть достигнут только если все участники не испытывают принуждения к принятию последствий принятия нормы [5].

Публичная сфера свободна от влияния государства и экономики, что позволяет ей выступать в качестве основы совещательной демократии.

Модифицируя теорию социального действия Вебера, Хабермас предлагает его развернутую типологию. В ней проводится различие между коммуникативным и стратегическим действием. Первое направлено на установление взаимопонимания и основано на истине, искренности и правомерности, тогда как второе направлено на оказание воздействия на другого.

Идеальная речевая ситуация определяется не только негативно через устранение систематически искаженной коммуникации, но и позитивно как воплощение универсальной прагматики языка. Хабермас разрабатывает теорию коммуникативного действия, исходя из лингвистики. Основание для этого находится в различении между языком как структурой и речью как процессом. Прагматическое измерение языка возможно изучать формально, а не только эмпирически. «Универсальная прагматика предпринимает систематическое исследование общих структур, которые проявляются в любой возможной речевой ситуации, которые сами производятся посредством определенных типов языковых выражений, и которые служат прагматическому определению выражений говорящего, обладающего языковой компетентностью» [7, с.51-52].

Критика Фрэзер

Одним из основных критиков теории Хабермаса является Н. Фрэзер. Она выступает против необходимости единой публичной сферы для успешного демократического развития. В частности, она полагает, что в стратифицированных обществах именно обсуждения в множестве конкурирующих публик являются гарантией равенства участников, в отличие

от общей публичной сферы. Альтернативные публики с собственными дискурсивными практиками и культурными особенностями могут выступать как контрпублики в ответ на исключение из доминантных публик. Наличие обособленных публичных сфер помогает им сформулировать оппозиционные интерпретации своих интересов, потребностей и идентичностей, чтобы затем представить их более обширным публикам [7, с.192-193].

Критика Бурдье

Н. Кроссли предлагает понимать работы Бурдье в качестве критики и разработки теории публичной сферы Хабермаса. Несмотря на то, что Бурдье прямо не обсуждает публичную сферу как таковую, он уделяет значительное внимание анализу полей образования, политики, медиа и искусств, а также соответствующих им публик. Одной из важнейших проблем для них является уменьшение автономии под влиянием экономических сил.

Бурдье разделяет понимание рациональности как свойства и результата человеческого взаимодействия. Она предусматривает обмен мнениями, основывающийся на логических доказательствах, свидетельствах и общих представлениях, а не на насилии и угрозах. В результате частные точки зрения могут быть преодолены в пользу более универсальных [6, с.91].

Ключевое отличие позиции Бурдье заключается в понимании условий развития рациональности: она носит не трансцендентный характер, возникая из структуры языка, но требует наличия набора стимулов и ограничений. Рациональность проявляется как паттерн коммуникативного взаимодействия, возникший в результате подчинения дисциплине взаимодействия.

Бурдье отказывается от строгого разграничения стратегических и коммуникативных действий. Для него существуют стратегические конфигурации рациональных коммуникативных ситуаций, а также стратегические основания любого коммуникативного действия. Такой фокус анализа позволяет описать, как сдвиг в структуре стимулов и ограничений под давлением рыночных сил меняет естественное направление

коммуникации. Мера этого сдвига и есть мера систематического искажения коммуникации [6, с.97].

Идеальная речевая ситуация не исключает властные отношения, стратегические ходы и эгоистический интерес. Наоборот, конфигурация этих факторов необходима для проведения рациональной дискуссии. Власть заставляет участников соблюдать правила игры, т. е. быть рациональными. Эгоистическое стратегическое действие подразумевает, что соблюдение этих правил отвечает их интересам. Возможность достижения более объективной, более универсальной точки зрения служит стимулом отказаться от субъективного взгляда на время дискуссии.

Осознание этих правил необязательно выражено явно. Включение в «игру» может привести к интернализации ее предназначения и правил в такой степени, что индивид будет принимать их как свои собственные. В соответствии с разделяемыми ценностями поля участник будет бессознательно подавлять неподходящие высказывания [6, с.94].

Габитус влияет на исход коммуникативных актов. Перцептивные и лингвистические схемы габитуса определяют, как агенты понимают смысл сказанного. Одна из сторон может приписать словам другие значения и не достичь взаимопонимания. Таким образом проявляют себя различия в социальной позиции. Чем дальше друг от друга в социальном отношении агенты коммуникации, тем больше отличаются их габитусы. Они приносят с собой не только непонимание, но и властные отношения, и авторитет. В силу зависимости коммуникации от социально-сформированного габитуса коммуникация всегда в той или иной степени систематически искажена. «Реально существующая коммуникация это никогда встреча не абстрактных лиц, но социальных позиций и властных отношений» [6, с.108-109].

Основное препятствие для развития публичного дискурса современности представляет его колонизация. Поскольку основной предпосылкой рациональности поля является его независимость, поля

должны развивать свою внутреннюю логику изменений и действовать согласно ей и в соответствии с выработанными критериями. В случае зависимости от экономического поля агенты будут вынуждены искать компромисс между внешними коммерческими интересами и внутренними требованиями. Со временем процесс поиска компромисса принимается как естественный в силу его укоренения в габитусе [6, с.96]. Габитус также производит диспозиции, которые склоняют субъекта к действиям в соответствии с якобы объективными требованиями поля [4, с.155].

Понятие доксы Бурдье соотносится с понятием жизненного мира у Хабермаса. Докса состоит из бессознательно усвоенных практик и знаний. Она определена исторически и отражает результат властных отношений и борьбы, которая велась на осознанном уровне. Эти практики составляют дискурсивное бессознательное и требуют отдельной рефлексии [6, с.101].

В своей аналитической рамке Хабермас представляет виды социального действия как идеальные типы. В реальности они объединены в систематически искаженной коммуникации. Рациональное коммуникативное взаимодействие относится к жизненному миру, а стратегическое действие - к системе. Система может колонизировать жизненный мир, а последний может сопротивляться, но эти процессы взаимоисключаемы. Использование концепции Бурдье позволяет анализировать коммуникацию в ее существующей форме [6, с.90].

Ограничения цензуры

Исследования последних лет заимствуют положения теорий Фрейда, Фуко, Бурдье и других авторов для переосмысления цензуры как структурной необходимости. Различные исследователи делают акцент на созидательной роли цензуры, ставят под сомнение эффективность использования оппозиции цензура/свобода слова, а также оспаривают ценность того, что подвергается цензуре и обращает на себя внимание людей. При выработке нового определения важно учитывать, что цензура это

процесс, осуществляющийся через отношения между различными агентами, а не серия действий, исполняемых отдельным органом власти [9, с.225].

Произошедшее переосмысление, возможно, лишило термин привычной эвристической ценности, но в то же время и обратило внимание на ранее игнорируемые стороны феномена. «Цензура не сводится к ограниченному набору определенных институтов и институциональных действий, но производится в совокупности постоянно изменяющихся дискурсов, практик и аппаратов. Следовательно, она не может рассматриваться как нечто неизменное и целое. Это непрерывный процесс, воплощающий в себе сложные и зачастую противоречивые властные отношения». Она включает «все социально структурированные предписания и запреты, которые затрудняют или запрещают распространение идей, информации, изображений и прочих сообщений посредством каналов коммуникации в обществе, независимо от того, обеспечены эти преграды политическими, экономическими, религиозными или иными системами власти. Она включает как явные, так и скрытые предписания и запреты» [9, с.226-227].

Критике подвергается расхожее представление о режиме функционирования цензуры как либо имеющей место, либо отсутствующей. Цензура неискоренима полностью, а устранение открыто репрессивных институтов или принятие законов, гарантирующих свободу слова, является лишь поверхностной мерой. Сведение сферы действия цензуры к актам репрессивного вмешательства больше всего служит интересам лиц, заинтересованных в осуществлении контроля, поскольку из принятия такой точки зрения следует убеждение, что цензура не может остаться незамеченной [9, с.228].

«В повседневном понимании цензура есть то, что следует за оскорбительным высказыванием: речь стала оскорбительной, поэтому происходит обращение к регулятивным действиям. Но если цензура понимается как то, что производит речь, временное отношение становится

обратным. Цензура предшествует тексту ... и в некотором смысле ответственна за его производство» [4, с.128]. Следовательно, недостаточно пользоваться одним только юридическим определением.

Цензура понимается как метафора: «это структура самого поля, которая управляет выражением через управление доступом к выражению и его формам, а не некая юридическая практика, которая была адаптирована к тому, чтобы обозначать и подавлять нарушение определенного лингвистического кода. Эта структурная цензура осуществляется посредством санкций поля, функционирующих в качестве рынка, формирующего цены разных видов выражения» [3, с.138].

Дж. Батлер выделяет две стороны этого взгляда. С одной стороны, ни один текст не может быть до конца избавлен от цензурирования. Текст, чтобы быть читаемым, должен быть произведен посредством отбора, реализующего одни возможности ценой других. При этом правила этого отбора заданы изначально, до решения автора, языковым полем.

Практически тот же смысл показывает модель коммуникации Лумана: «Любое сообщение устанавливает горизонт возможных связей с новым актом коммуникации. Последующий акт связывается с этим сообщением, актуализируя одну из этих возможностей и оставляя другие как горизонт потенциальности. Таким образом, понимание это не что иное, как ретроспективный выбор связи последующим актом коммуникации» [2, с.76].

Производство речи через цензуру происходит неявным и непреднамеренным образом: скрытые властные действия определяют, что останется произносимым. В таком случае не требуется артикулирование ограничений в явном виде. Более того, скрытые формы цензуры более эффективно накладывают ограничения на «проговариваемость».

С другой стороны, цензура, преследующая своей целью очистить публичный дискурс от нежелательных высказываний, всегда недостаточна. Во-первых, она не может регулировать знаковую полисемию. Во-вторых,

явная форма цензуры обречена на перформативное противоречие, поскольку она включает в себя сообщение о том, о чем нельзя говорить. Подцензурная речь вносится в публичный дискурс и становится предметом обсуждений, совершая обратное целям цензуры действие [4, с.130].

Выйти за рамки ограничений позволяет перформативность речевых актов. Нелегитимное высказывание может произвести эффект, который изменит существующие формы легитимности и откроет возможности для появления ее новых форм. Возможность речевых актов принимать новые значения и функционировать в новых контекстах составляет главную роль перформативных высказываний в современной политике [4, с.147, с.160-161]. Дж. Батлер противопоставляет социальному объяснению эффективности перформативов позицию Деррида. Согласно ему, силу высказывания составляет его разрыв с существующими, установленными контекстами. Таким образом, перформативность не наследуется как результат прежнего использования, но появляется после разрыва с ним.

Бурдье связывает эффективность перформативного высказывания с социальным положением говорящего, которое наделяет его соответствующей властью: «когда в самом языке мы ищем принципы, на которых основывается логика и эффективность языка институтов, мы забываем, что власть приходит к языку извне» [3, с.109]. Власть понимается как система авторитетов, использующая инструменты цензуры. Этот подход исключает возможность изменения оснований легитимности в результате осуществления высказывания агентом, не обладающим соответствующей социальной позицией.

С этой точкой зрения вступают в конфликт теоретические положения Фуко. Он полагает, что сопротивление цензуре заранее встроено в модель ее распределенной власти. Акты сопротивления участвуют в поддержании институтов цензуры. Фуко приводит пример шокирующих, провоцирующих или спорных художественных произведений, существование которых с

необходимостью зависит от наличия набора заданных соглашений (или установленных контекстов) [9, с.237].

Литература

1. Фурс В. Критическая теория «современности» (анализ формирования одной социально-философской концепции) // Логос. 2004. № 1 (41).
2. Andersen N. Å. Discursive Analytical Strategies: Understanding Foucault, Koselleck, Laclau, Luhmann. – The Policy Press, 2003.
3. Bourdieu P. Language and symbolic power. – Harvard University Press, 1991.
4. Butler J. Excitable speech: A politics of the performative. – Routledge, 1997.
5. Cavalier R. Introduction to Habermas's discourse ethics. Интернет-источник:
<http://caae.phil.cmu.edu/cavalier/Forum/meta/background/HaberIntro.html>
6. Crossley N. On systematically distorted communication: Bourdieu and the socio-analysis of publics // The Sociological Review. 2004. Vol. 52.
7. Fang N-H. The internet as a public sphere: A habermasian approach. Ph.D. diss., State University of New York at Buffalo. 1995. Источник:
<http://search.proquest.com/docview/304265165?accountid=28393>
8. Fogelman M. Freedom and censorship in the emerging electronic environment // The Information Society. 1994. Vol. 10, Iss. 4.
9. Freshwater H. Towards a redefinition of censorship // Critical Studies. 2003. Vol. 22, №. 1.
10. Powell J. L., Moody H. R. The Challenge of Modernity: Habermas and Critical Theory // Theory and Science.Vol.4, Iss. 1. 2003. Интернет-источник:http://theoryandscience.icaap.org/content/vol4.1/01_powell.html